

ДМИТРИЙ КЛЕСТОВ

ЗЕМНАЯ НОША

ДМИТРИЙ КЛЕСТОВ

ЗЕМНАЯ НОША

Стихи

Кемерово
Кузбассвузиздат
2002

Библиотека
Кузбассвузиздат
с/п. А. В. К. А.
14.07.2002

Библиотека
Губ. Ф. Ком. Г. М.

ББК Ш6(2-Рос)6
К48

Клестов Д. П.

К48 Земная ноша: Стихотворения. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 112 с.

ISBN 5-202-00482-6.

К $\frac{4702010200}{145(03) - 2002}$ Без объявл.

ББК Ш6(2-Рос)6

ISBN 5-202-00482-6.

© Клестов Д. П., 2002

© Изд-во "Кузбассвуиздат", 2002

СЕЯНИЕ РАЗУМНОГО, ДОБРОГО...

Поэтический мир в стихах Дмитрия Клестова легко узнаваем. Природа, предметы быта, житейские ситуации и лица проявлены достаточно зримо, обогащены яркими сравнениями и неожиданными образами. От строк поэта веет родным и близким; согретые внутренним дыханием, они несут в себе переживаемые автором чувства и потому легко запоминаются, западают в душу.

Проникающая сила слова Д. Клестова обеспечивается и за счет строфической выразительности и, чаще всего, исповедальными интонациями. Благодаря этому образность в строках несет еще и нравственное содержание. Казалось бы, обыденные детали, но как они проявлены под тихим воздействием эмоций:

Известки кольца годовые
В разломе рухнувшей стены...

или:

В родимых пятнах половицы
от незатушенных углей...

Заброшенный хутор

Это первая книжка гурьевского поэта Дмитрия Клестова. С ней он выходит к читателю, имея за плечами

серьезный жизненный опыт и суровые трудовые будни, исчисляемые десятилетиями (по основной профессии Дмитрий – шахтер). Еще пятнадцать лет назад рукопись Клестова была признана лучшей на областном семинаре. И тогда уже были рекомендации об издании его первой книги. Поэт не стал спешить и по-своему прав. Видимо, была в этом необходимость. Для него, как он признался позднее, книга не являлась самоцелью. Важно было знать оценку своего поэтического творчества, чтоб укрепиться в себе, поверить в собственные силы, а затем уже работать, осмысливать происходящее.

Осмысленность, мотивация большинства стихотворений не вызывает сомнений. Это ощущается сразу: выстраданностью, убежденностью и особым взглядом поэта на привычный мир – его личное:

Любую работу не хаю.
Любая работа – не зря!

Так мог сказать только поэт, собственным опытом познавший цену труда, более того, его неоднозначность. На мой взгляд, именно производственная сфера, внутреннее ее коллизии и отношения человека труда с природой являются родиной его слова. Слово Д. Клестова наделено долгом и ответственностью, болью и правотой и, что немаловажно, - правом. Выстраданным, заработанным правом говорить то, что он считает необходимым:

Ущелье, мельница и пруд,
Рудой груженные составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтеры медленно идут.

— Страшная по своей сути аллегория, трагическая и правдоподобная, далеко переходящая границы локального ряда. Здесь уже и масштаб, и глубина, и судьба шахтерская. И судьба поэта, страждущего и понимающего неоднозначность человеческого труда.

Взгляд поэта-рабочего замечен и в стихах, не имеющих отношения к производственной теме. Есть в этом некоторое своеобразие. Особенно это заметно сейчас, когда доминирует так называемая “новая поэзия” эпигонов Бродского и Пастернака, созерцателей с искривленным мировоззрением и с деформированным душевным сознанием, с их то дачным кругозором, то с пресловутым “космизмом”, часто напоминающим бред наркомана, выдаваемый за откровенье Божье. Вот на этом фоне стихи Клестова очень выигрывают, несмотря на некоторую прямолинейность, упрощенность и штампованность эпитетов. Они несут в себе главное: незамутненность взгляда, чистоту восприятия и искренность. Поэт, прошедший все “круги ада” шахтерского труда, сохранил в себе светлое и доброе, что уже само по себе заслуживает интереса и уважения. Д. Клестов верен русской литературной традиции: сеять разумное, доброе, вечное. При чем он сам как личность несет в себе эти начала.

Вероятно, избалованного благозвучиями читателя несколько покоробит нарочитая приземленность и грубоватость стиля в строках Клестова. Автор делает так сознательно, как бы подчеркивая свою принадлежность к рабочему братству, что он идет от земли, а вовсе не какой-нибудь небожитель. У него даже Природа выступает в роли напарницы по работе:

И скользят, как сверла, воды,
Камни грубые дробя.
Словно здесь сама Природа
Совершенствует себя.

Чегемский водопад

Как поэт Д. Клестов знает свое предназначение на Земле и несет личную ответственность за происходящее на ней, ответственность перед будущим. С этой основополагающей позиции начинается подлинный Поэт со своим мироощущением, эстетикой, почерпнутой из народной жизни, ее культуры и этики, со своим мировоззренческим кредо. У Клестова это уже присутствует, и мы вправе ожидать от него большего, вправе считать, что у Дмитрия будет свой читатель.

В. КОВРИЖНЫХ,
член Союза писателей России

ОТ АВТОРА

Один мудрец поделил жизнь человеческую на три отрезка длиной в 30 лет каждый. Первую часть он завещал посвятить наукам, второй отрезок – изучать житейскую мудрость в народных ремеслах. А последний – учить других посредством писательского слова.

Было бы смешно и глупо рассчитывать на милость Всевышнего, прося долголетия. Ведь не цветочную пыльцу я глотал в шахте и рудниках в юные, молодые и зрелые годы. Надорваны жилы, и ребра ломаны, и суставы болят от холодной сырости подземелий. Но ведь и закалка отменная, и витаминов съедено немало в голодные послевоенные годы: знаменитая колба с березовым соком, саранки с диким чесноком и пучками! А грибы-ягоды с орешками да медвяные соты диких пчел! Так что я вправе претендовать на продолжение этой книжки.

Милый мой собеседник! В этой жизни часто поэзия не давала мне слабину упасть, оскотиниться. Я буду счастлив, если мои стихи помогут и тебе в том же.

Дмитрий КЛЕСТОВ

УТРО

Заря рассыпалась клубникой
По недокошенному полю.
Попробуй с чем-нибудь сравни-ка
Вдруг озаренное раздолье.

Я к солнцу мчусь по бездорожью,
Поёт стремительная «Ява»,
Роса обрызгивает дрожью,
А солнце щурится лукаво.

Плывёт рассвет грачиным граем,
И песней тракторной в посёлке.
Вспорхнуть бы мне над отчим краем
Напевом птичьим ненадолго.

Пропеть какое-то мгновенье,
Но так пропеть, чтоб в серых буднях
Горячей строчки вдохновенье
Допелось звонкой песней в людях.

КЕРЖАКИ

Седобороды, но крепки,
И в каждом деле
Люди спорые.
Меня крестили кержаки,
Как им велел обычай –
В проруби.
О дикий, пращурский обряд!
Души невинной омовение.
А я, признаться, даже рад
Сему спартанскому крещению.
Идти распахнутым в мороз,
Пурге отчаянной не кланяться,
В любой беде не ведать слёз,
В работе никогда не стариться.
Коль совесть будет не чиста
И сердце обольется злобою,
Вернусь в родимые места
И снова искупаюсь в проруби.

* * *

Покидает родное село
Мой дружок работающий, не пьяница.
Завтра к дому контейнер подпятится
И погрузит его барахло.

Ветер странствий надул паруса
И порушил родимое, близкое.
Позабывтая лайка сибирская
За другим ухнетётся в леса.

Верно, издавна так на Руси –
Уходить от чумы и засухи,
И с гнедой кобылёнкой и заступом
На привольные земли брести.

То ли вечная тяга к добру,
То ли вещь жажда познания:
Голубые покрыть расстояния,
На чужбине прийтись ко двору?

Мне бы тоже оставить село,
Жить на юге под жёлтыми грушами.
Но моих земляков добродушие
Не заменит чужое тепло.

ЧЕРЕМУХА

Отсеяли поздние грозы
Озимые ливни свои.
Черемуха спелые гроздья
Склонила до самой земли.

Щадя ее хрупкие корни
И гибкие ветви храня,
Мы шурф чуть поодаль, под горкой,
В породе сырой и прогорклой,
Как роботы, рыли три дня.

Мы сладкую ягоду ели,
Чернявя здоровые рты,
Слетались сюда свиристели,
Здесь часто кормились дрозды.

И выводок рябчиков тучных
Нас посвистом смелым дразнил.
И вроде работалось лучше,
И вроде прибавилось сил.

* * *

Работу любую не хаю,
Работа любая – не зря.
Шахтерка моя полыхает,
Как яркий наряд снегиря.

Осколком горячего лета,
Горячим его лоскутом
Порода пурпурного цвета
Вдруг вышла в забое моем.

Давно прошлогодние травы
Сокрыл ослепительный снег,
А я из рассечки кровавый
К биндюжке печатаю след.

Мне скажут: «Безрудное тело,
Ущербные эти места.
Здесь нечего, нечего делать,
Порода, как бочка, пуста».

Но что-то под ложечкой гложет,
И душу мне думы гнетут,
Как будто бы я растревожил
Земли кровеносный сосуд...

БУРОВАЯ

Взметнулась в небо вышка буровая.
Стальные трубы в глубину ушли.
Друзья меня помбуром величают,
А я посредник неба и земли.

Земную твердь окидывая взором,
Я вижу в недрах залежи свинца.
А лампочки, взбегая по опорам,
Горят в ночи созвездием Тельца.

Алмазный зуб вгрызается в забой,
Земная твердь упорна и тверда!
И в скважину, пробуренную мною,
Глядит заочарованно звезда.

* * *

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Годами выжженные склоны.
Рудой груженные вагоны
Из шахты медленно ползут.

Осенним воздухом дыша,
Я там искал уединенья.
Вдруг окровавилась душа
От справедливого сравненья:

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой груженные составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтеры медленно идут.

ПЛАЧ-ГОРА

Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгой:
– Эта горка с прядью тальника
Отчего зовется Плач-горою?

Каждая колдобина трясла
Работягу – мощного «Урала»,
Что за тайна горькая легла
У её подножья – пьедестала?

– Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логу
Человека затоптала в землю.
Вот и все, – ответил буровик. –
Наша повседневная работа,
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.

Выхода из мифа-тупика
Вряд ли я когда-нибудь открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовется Плач-горою.

* * *

В родном дому
Присяду на порожек.
Голландка-печь –
Немеркнувший очаг –
Вдыхает мой дымок
От папиросок,
Как будто тоже
Курит невзатыг,

В ее груди
Потрескивают угли
Моим беспечным думкам
В унисон.
Как будто бы
Сошлись друзья, подруги
Далёких светлопамятных
Времён.

Ведут неторопливую
Беседу,
Верша свои чистилища
И суд.
Им похвались,
На жизнь свою посетуй,

Они – друзья,
Они меня поймут.

И, верно, скажут:
Хватит куролесить,
Не мальчик ведь
Мотаться тут и там.
Из дюжины
Недюжинных профессий
Ты выбери поближе
К дому, к нам.

Душа моя котенком
Разморится
У милого, родного
Очага.
А завтра старший
Мастер поступится
И... укачу я
В белые снега.

Библиотека
Центра ГМЗ

* * *

Королевские харчи,
Президентская карьера...
Скороходы-кирзачи
Сорок пятого размера!

Хочешь – топай, хочешь – стой.
Не похвалит, не осудит
Старший мастер буровой –
Он за сорок верст отсюда.

И за сорок верст жена.
Верно, думает, что дура,
Коли вышла за помбура –
Все одна, одна, одна,
А на улице весна!

А на улице весна!
Мчатся вешние потоки,
Бьют живительные соки
В тополях, в березах, в нас.

Гомон призраков лесных
Власть смакуй и вдоволь слушай,

Претенденток никаких
На мою бродяжью душу.

Тонут в лужах кирзачи
Сорок пятого размера.
Президентская карьера,
Королевские харчи!

САЛАИР

Городок на крутых холмах,
На семи продувных ветрах,
Словно белый большой фрегат,
Поднялся над таёжной чернью.
Алой зорькой копры горят
В зорьке утренней и вечерней.

В каждой сопке хранится миф
Невоспетых сибирских Фив.
Он судьбою своей сродни
Жизни славного Прометея.
Он в Кузбассе зажег огни,
Плавку первую он затеял.

Ты поведай, старинный тракт,
Буйство бедных, богатых страх.
Клокотавшая в жилах предков
Та ли удаль в моей крови?
А в глазах у моей соседки
Та ли нежность и жар любви?

Тракт старинный и глух, и нем,
Он бурьяном зарос совсем.
Ветер соснам шиньоны чешет –
Сказки те же, и люди те же.

«ШАХТЕРСКАЯ ИДИЛЛИЯ»

Я сегодня в каком-то ударе
В восстающих забоях своих:
Словно пахарь на поднятом паре,
Норму выпахал за двоих.

Мне хотелось цветов и оваций
За веселый, восторженный труд
Или к солнышку просто подняться
Раньше всех на пятнадцать минут.

Капли грязные падали с каски
И за шиворот жгуче текли.
Мне хотелось не приторной ласки,
Нежной ласки вечерней земли.

Громыкает во штреке центральном
Столбового хозяина рык.
Обругал и лишил премиальных
Новорусский упитанный бык.

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко.
Для чего проводилась реформа? –
Понимаю, под вопли его...

Заработанных потом и кровью
Мне своих премиальных не жаль.
Знаю, солнышко встретит с любовью,
Знаю, ветер развеет печаль.

В ШУРФЕ

Опять тупое онемение
Мозги усталые сведёт,
Хотя никто меня, как мерина,
Не подгоняет и не бьёт.

Невольный мат из глотки вылетит,
И, чтоб избавила тоска,
Моя рука возьмет и вылепит
Из белой глины петушка.

Бесхитростное изваяние
Я поднесу к губам своим,
Земли почувствую дыхание
Повеет давним и родным.

Живи, наивная затея!
Игрушку ставлю на бадью.
Напарник мой лицом светлеет,
Увидев выдумку мою.

ПЕЧНИК ЯКУНИН

Якунин – мудрый повелитель
Неукротимого огня.
Друзья, соседи! Посмотрите,
Какая печка у меня!

Лукаво мудрствовал с духовкой –
Ни уровня, ни уголка –
Всё на глазок! Взлетает ловко
Руке послушная кирка.

За рядом ряд, за лабиринтом
Ложится новый лабиринт.
Спросил его я: «Возгорится?» –
«Работать будет», – говорит.

Возжёт! И радостные блики
Его окрасили ладонь,
И заработал стоязыкий
В печи березовый огонь!

БРОШЕННЫЙ ХУТОР

Ну вот и избы лубяные
Моей заветной стороны,
Известки кольца годовые
В разломе рухнувшей стены.

Печаль сиротская струится
Из ветхих окон и щелей.
В родимых пятнах половицы
От незагашенных углей.

На бревнах трещинки забиты
Янтарной накипью смолы,
Налетом плесени покрыты
Когда-то красные углы.

Как зябко, горестно и сиром
На месте бывшего тепла.
За что же вас глухая сила
На умиранье обрекла?

Я не найду себе ответа,
Посколь призванью вопреки
Я сам не раз на этом свете
Чужие рушил очаги.

Чтоб встали домны заводские
И города в глухом краю...
Известки кольца годовые
Напоминают жизнь мою...

СОСТАВ

Мчатся яростные кони,
Тяжело храпя во мгле.
Бьют чугунные подковы
По окованной земле.

Друг за другом дробной рысью.
Эх! Отчаянная рысь!
В темноте с морозной высью
Гривы черные сплелись.

Клубы пара, пыли клубы
От горячих лошадей.
И кричат надсадно трубы
Над окрутою моей.

Я стою замороженный,
Быль за сказку восприняв,
Вижу снегом обелённый
В зиму мчащийся состав.

СТАРЫЙ ПЛОТНИК

Он приходит сюда
По какой-то неведомой тяге
И часами, как мальчик,
Стоит у витрин.
Он давно изучил в нашем сельском хозмаге
Ширпотребную утварь,
Этот странный старик.
Он берет оселок
И шершавую каменной плотью
По шершавой щеке
Сам себе проведет.
Он берет долото
И, забывчивый плотник,
Остриё долота
Языком по старинке лизнёт.
Он тисочки возьмёт,
Он подержит электрофуганок:
– Лепота, лепота! –
Покачает седой головой.
– Сколько светлых домов,
Теремов несказанных
На родимой земле
Не построено мной!
Он приходит сюда,

Как к любимой своей на свиданье,
Будоражит его
Изобильная явь.
Что для всех – ширпотреб,
Для него состоянье...
Не гони, продавец,
Старику эту радость оставь!

* * *

Лесхозовский балок –
Таёжная избушка.
Залетный мужичок
У нас на побегушках.

– Савелий, поднеси!
– Сгоняй-ка по дровишки!
Откуда на Руси
Беспечные людишки?

Он хвалится: в НИИ
Был первым инженером.
Никто ему – ни-ни –
На этот счет не верит.

И вроде не балбес,
Но и, увы, не пахарь.
А наш сибирский лес
Не бублики, не сахар.

Ненастье да нужда,
И низкая зарплата.
И злобу, как всегда,
Мы сдабриваем матом.

Кто виноватый в том,
Что мы осатанели?..
Идет на ключ с ведром
Безропотный Савелий.

КУБАЛДА

Здравствуй, речка Кубалда!
Аль не речка – ручеечек,
Что резвится и хохочет
В голубой простынке льда.

Сосны, старенькие няни,
Шепчут: «Баюшки-баю,
Спи, родная, утром встанешь –
Все бело в родном краю.
Все сияет да искрится:
И поляны, и леса.
Потеряет путь лисица,
Чтоб твоей водой умыться,
Очень хитрая лиса».

Здравствуй, речка Кубалда!
Я тебя давненько знаю,
Здесь растет и процветает
Знаменитая колба.

Я бреду к тебе по снегу,
Как упрямый дикий лось,
Как хозяин, а не гость,
Только что упавший с неба.

Лед холодный прорублю
И воды напьюсь студеной,
Отчий край тайги зеленый
Я сильнее полюблю.

НА ЗАИМКЕ

За косым по легкому зазимку,
И петляя так же, как косой,
Вышли мы на старую заимку,
Вышли на избушку-невидимку,
Под густой разлапистой сосной.

Я в кино лишь видывал такую.
В этой глухомани черневой,
Где свирепо ветры атакуют,
Мне казалось, глухари токуют,
А живет, нисколько не тоскует
Человек совсем не молодой.

Мне казалось: ничего людского.
Нет в избе ни радио, ни книг,
Лишь – мычит за стенкою корова.
Но к крыльцу пришпилена подкова,
И поклоном вымолвил два слова:
«Обогрейтесь, милые», – старик.

* * *

Коль вздохнет под тобою земля,
На окне всколыхнутся шторы,
Не волнуйся, родная моя,
Под землей говорят шахтеры.

Им приходится в темных мирах
С подземельной упрямой свитой
Разговаривать на матерках,
Подкрепляя речь аммонитом.

* * *

Я не знаю другого ландшафта,
Чтоб увидел – и горе с плеч.
Шахта, шахта! Родная шахта!
Чем могла ты меня завлечь?

Террикон огоньком манящим
Среди черной сияет тьмы,
Словно бы на вулкан дымящий
По нему восходили мы.

Восходя на седьмое небо,
Крылья чуяли за спиной.
Всё! Я в небе ни разу не был,
Навсегда улетев в забой.

Где бы якорь мне свой ни кинуть,
Где бы свой ни оставить след,
Опрокидываются скипы
Дивной музыкой юных лет.

Узором ветки, упавшей в снег,
На лбу упрямо пролегла морщина.
Теченьем торопливых горных рек
Промчалась юность – я уже мужчина.

Промчалась юность. И жаль её, и нет.
В глубоком русле стало не свободней.
Течёт река из тех же юных лет –
Чуть потемней и чуть глубоководней..

БОЛЬШАЯ ТОЛМОВАЯ

Брожу, удивляюсь: фантазия чья?

Шамана,

шута,

скомороха? –

Серебряной нитке лесного ручья

Огромное имя оттрохать.

Знать, кто-то ценил драгоценный исток,

Мечом рассекающий горы.

В раскосых глазах его тѣк ручеек

До самого синего моря.

Сквозь призму его бескорыстной любви

И сквозь паутину сомнений,

Как в главную реку, впадали ручьи

И реки других поселений.

Он не был провидцем, кто в этот родник

Как в реку большую поверил.

Но первая шахта и первый рудник

Освоили каменный берег.

Ступили на берег началом начал

Всего Салаирского края...

И зверь вымирает, и лес обнищал,
И чахнет река Толмовая.

Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки..
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Хотя временами и тяжело смотреть,
Что давший начало – обязан хиреть.

* * *

Ветер-дворник метёт, подметает
Ранней осени сор золотой.
А девчонка цветы поливает
Из колодца студеной водой.

Завтра выпустит Северный полюс
Леденящих своих скакунов:
Под копытом умрет гладиолус –
Нежный витязь осенних цветов.

Знать, дано от рождения, что ли,
Той девчонке, не знавшей беды,
Очень нужен глоточек воды,
Чтобы страшной не чувствовать боли.

* * *

Я строю домик в Салаире
Венец к венцу, венец к венцу,
Чтоб люди к моему дворцу
Мечтать о жизни приходили.

Рубанком дедовским строгаю,
Не зная сна, не зная сна...
Переживет меня сосна,
В резных наличниках сверкая.

Бужу своим рабочим стуком
И сон людей, и птичий звон...
Ведь каждый человек рожден,
Чтоб светлый дом оставить внукам!

НА ПОКОСЕ

Тело переболело.
Одурь съедена потом.
Здравствуй, новое дело,
Молодая работа!

Сила, матушка сила,
Рви литовочку, рви,
Ты давно не косила
Августовской травы.

Эх, как хочется сдюжить
Весь покос – до победы.
В грязь лицом не ударить
Перед щупленьким дедом.

Деду под девяносто,
Шутит седенький просто:
– Хожу на покос я,
Ухожу от погоста...

УБИЛИ ДЯТЛА

Расстреляли его спозаранку
Среди старых задумчивых пихт,
И затихла лесная морзянка,
Не окончив своих позывных.

Расстреляли картечью в упор
Ради шутки, забавы и смеха.
В лабиринте заснеженных гор
Гулко билось тревожное эхо.

И откуда на эту полянку
Забрела кровожадная злость?
Люди, слышите: в роце морзянка
Выбивает призывное SOS?

* * *

В моём цеху грохочет увертюра
Большой поэмы трудового дня,
В строю станков красивая фигура
Присутствием своим томит меня.

И каждый парень, словно заговорщик,
Следит из-под насупленных бровей.
Ну разве классным станет фрезеровщик,
Когда все мысли улетают к ней?

И плана нет, и качество деталей
Совсем не то (уж коли сам не тот).
Зачем берут красивых на завод?
Скажу начальству, чтоб не принимали.

СОБАКА

Умер брат... Собака тосковала,
Выла на далёкую звезду.
Не спала, не трогала еду,
Никого к себе не подпускала.

Я давно в гостях у брата не был.
К ней вошел я утром в закуток,
И она взяла кусочек хлеба
И свернулась дружески у ног.

Я нисколько не похож на брата,
Но собака ластится ко мне.
Словно чувствует, что её утрата
Тяжелее для меня вдвойне.

УХОДИ С ГОРКИ

Снежные кристаллики
Мерцают на горе.
Я бегу, как маленький,
К нашей детворе.

Сани быстrokрылые
Да глубокий снег.
Дайте, дети милые,
Прокатиться мне!

Дайте, беспечальные,
Радости чуть-чуть,
Дайте годы давние
На часок вернуть.

Шепелявит маленький:
– Не дадим, не жди,
Ты большущий, дяденька,
С горки уходи!

* * *

Снова легкий месяц родился.
Кончиком лукавым язычка
Он слегка проклюнулся пока
И еще ничем не возгордился.

Я не знаю, как его приметил:
Никаких негаданных чудес
Я не ждал, как праведник, с небес
На вечере двух тысячелетий.

И преданьям светлым вопреки
Никаких не загадал желаний.
Я не умираю от тоски,
От людских и божьих наказаний.

Как блаженный, радуюсь немного
Спутнику извечному Земли.
Подмигну – и в дальнюю дорогу
Я беру его в поводыри.

МОЛОДИЛО

На пригорке – соснячок.
У его подножья
Что-то ищет старичок –
Одуванчик божий.

Мелкотравничек густой
На резной полянке.
Вид у деда городской –
Шортики на лямке.

День-деньской Петровский зной,
Как на сковородке.
Дед в рубашке непростой –
Он в косоворотке.

То привстанет на дыбки,
То присядет скромно,
Поглядит из-под руки
В небосвод огромный.

Голубые небеса,
Очень голубые,
А раскосые глаза
Ох и плутовские!

– Поджигает сенокос –
Звонкая работа.
Мой сынок, молокосос,
Захандрил чего-то.

Чем балбеса проняло,
Где прохолонило?
Вот ищу я про него
Травку–молодило.

Заварить на молоке,
Пропустить стаканчик, –
Объяснил накоротке
Божий одуванчик.

И такой рабочий зуд
Засвербит в печенке –
На гульбу иди, на труд
К молодой бабенке.

Мать-природа в сосняке
Травку породила –
В бородавчатом стручке
Жизненная сила!

«Бородавчатый стручок»,
«травка-молодило»...
Ой, лукавишь, старичок,
Дедушка Данила!

Сенокосная душа,
Травяное счастье.
Может, сам ты оплошал
Где по женской части?

Из-под шелковых бровей –
Два лукавых глаза:
– У меня всегда «о'кей»,
Не плюшал ни разу!

* * *

Заблажила пурга, заблажила,
Белым тралом весь лес обложила,
И в каком-то немом исступленье
Пихты мечутся, словно тюлени.

Буровая судёнышком утлым
Захлебнулась и тонет как будто.
И на мачте огни верховые
Шлют кому-то свои позывные.

В штормовую авральную пору
Нам опять восходить по опорам.
И промерзшие штанги ворочать,
Соответствовать званию рабочих.

Заблажила пурга, заблажила...

* * *

Говори, я слушаю,
Говори, воркуй!
Ласковой голубушкой
Голубя целуй!

Говори признания,
Нежные слова.
Мы – непостоянные,
Словно трын-трава.

Зря цветешь, склоняешься
Над лицом моим.
Зря поешь, стараешься –
Я другой любим.

Обильные, размашистые вьюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые друзья
Из черных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землей и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.
И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

* * *

Ночами – дождь,
Утрами – изморозь.
И вечерами на скамье
Не подпирают больше изгородь
Старухи сплетней обо мне.
И сам я меньше стал судачить
Про баню, сад, неурожай.
Удача – радуйся удаче,
А горе – не переживай!

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

За дремучим таежным бором
Из целительного ключа,
Обрамленное ореолом
Полудикого пихтача,

Легкий вымысел Берендея,
Трудный подвиг богатыря --
Берег правый и берег левый
В ярком пламени сентября.

Я тихонько заброшу уду
В полыхающий жар осин.
Но ловить карасей не буду,
Пусть погреваются караси.

НА ПОЖАРЕ

Когда пылала эстакада
На грани шахтного ствола,
Душа была как будто рада.
Кошунство это, но была.

Как сумасшедшую скотину
На рев сородичей меня
Она гнала в стихию дыма,
В стихию дыма и огня.

Все, паникуя, ждали взрыва
И улепетывали прочь.
Моя душа смогла счастливо
Рассудок жалкий превозмочь.

Она уверенно, спокойно
Всучила ломик мне в ладонь,
И окатила из брандспойта,
И тело бросила в огонь.

СВЕЖЕНИНА

В деревне режут поросят,
Как сто и двести лет назад.
Душок подпаленной щетины
Витает в поле за версту,
И я, пожалуй, заверну
На сытный запах свеженины.

Застолье. Царственно дыша,
Над всеми властвует жаркое.
Хозяйка – добрая душа –
Нальет вина и успокоит.

Хозяин – тоже не злослов.
Всё в доме есть – плоды и злаки.
И в ожидании мослов
Задорно тьявкают собаки!

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Крылечко. Дверь. Тяжелая щеколда.
Изба – другим хороминам под стать...
И я вхожу, задрипаный, но гордый,
Обученный премудрости читать.

Дощатые скупые этажерки,
А мир на них – таинственно большой.
Там шепчутся девчонки-пионерки,
Которым я завидую еще.

И тишина. Знакомый мне мужчина...
Да это ж будоражащий село
Отпетый враль, безбожник, матерщинник
Глядит на книги трезво и светло.

Держа в ладонях книжицу, как птицу,
Читает, как молитвенник, её,
А завтра он в такую небылицу
Сюжеты книг бабёнкам переверт.

Но я об этом долго не узнаю,
Интриги мне не ведомы пока.
Я в чистом поле тихо поджидаю
Шального, удалого Горбунка.

Когда все это было, в кои веки?
В лихую Лету кануло село.
Но до сих пор в любой библиотеке
Смотрю на книги трезво и светло.

НА ТРИГОПУНКТЕ

Стоит восклицательным знаком
На самой высокой горе,
Идем, мужики-забияки,
К нему по тропинке зверей.

Над золотом пышного леса
Он самый высокий и есть.
И мы, два почтенных балбеса,
Друг другу командуем: лезь!

Ступени истлевшей треноги
Не выдержат белки, кажись,
И всё ж мы восходим, как боги,
Туда, в соколиную высь.

И дух перехватит, а душу
Такой ошарашит восторг..
Что с выкриком вместе наружу
Я самое сердце исторг!

Россия! Ты крепкие нервы
И легкие крылья дала..
И вижу я крапинки в перьях
Парящего рядом орла.

* * *

Когда устанут языки лихие
От жвачки суесловия? Когда
Мы вспомним наши руки золотые
И радость вдохновенного труда?

Когда, когда? Я тоже суесловлю,
В моих словах то злоба, то смешок...
А девочка с восторженной любовью
Вздывает к струнам трепетный смычок.

И таинство чарующего звука
Сейчас на землю грешную сойдет,
И грязный бомж покажется из люка
И вдруг по-человечески замрет.

Когда, когда я встану спозаранку,
Поняв предназначение свое,
Поправлю нежно лезвие рубанка
И топора стальное лезвиё?

И столько дел бесхитростных нахлынет,
И столько непредвиденных забот!
И так, покуда сердце не остынет,
Дел на земле моей невпроворот.

АРМЕЙСКОЕ

В ушах шумело: увеличить скорость!
Атака очень яростной была.
Уже не встанет молодая поросль,
Которая под траками легла.

Грохочет танк – гроза и гордость века,
А я зайчонка вижу в триплекса
И силой всей давлю на тормоза,
Как будто бы увидел человека.

СИРЕНЫ

О, как пронзительны сирены
Горноспасательных взводов,
Когда восток слегка сереет,
А на столе в цветках сирени
Остывший ужин горняков.

Машины с красными крестами,
Кому вещаете беду?..
Жена с постели тихо встанет
И молча приберет еду.

Давно забытые молитвы
Опять сегодня вспомнит мать.
И сыновей, как с поля битвы,
Из шахты будет поджидать.

НА КАВКАЗЕ

Я чачу пью,
Пляшу лезгинку,
Чтоб тонус жизненный поднять.
И молодую кабардинку
Прошу по ручке погадать.

Она сперва сверкнет глазами,
Потом засмотрится в глаза:
«Шутить изволите? Но с нами
Шутить, как с русскими, нельзя».
Вдруг улыбнулась: «Дайте руку.
Какая крепкая рука.
Не знаю – вроде лесоруба,
Но знаю, что сибиряка».
«Влюбись – шепчу, – в двадцатом веке
Не так уж горцы горячи.
Я буду стряпать чебуреки,
Шашлык уксусить и перчить
И продавать за рупь с полтинкой,
А твой торгует по рублю...»
Вздохнет печально кабардинка,
Я вздох печальный уловлю.
И отойду от грешной с миром
И буду помнить в тишине,
Что руки, пахнувшие жиром,
Не для неё и не по мне.

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Когда ледяная замять
Снежком затуманит взор,
Всплывает воздушный замок
В отрогах Кавказских гор.

Ни троп к нему, ни ступеней
И нет подвесных дорог...
И будто могучий гений
В нём правил немалый срок.

В нём горницы и светлицы
На уровне облаков.
И, может быть, там томится
Жар-птица моих стихов.

Из смертных никто ни разу
В те горницы не войдёт...
Лишь сосенки-скалолазы
Грустят у его ворот.

ЧЕГЕМСКИЙ ВОДОПАД

Может, быть, а может, небыль
Очаровывая взгляд?
С самого, наверно, с неба,
Льёт Чегемский водопад!

Сотни струй и радуг сотни,
Всюду зелень в блестках рос.
Из ночного неба соткан
Отшлифованный утёс.

И скользят, как сверла, воды,
Камни грубые дробя.
Словно здесь сама Природа
Совершенствует себя.

* * *

Эх! Ударили звонкие струны
Лыжных тропок и санных дорог.
И качусь я, взвихряя буруны,
К перекрестку любви и тревог.

Ноги в юность торопятся сами.
А на первой таёжной версте
Пень кедровый в заснеженном саване
И березка-невеста в фате.

Всю деревню мою забуранило,
На крыльце нет знакомых следов.
Что когда-то бодрило и ранило,
Дремлет в замяти белых снегов.

Знаю, скажет мне гордая самая:
Никогда не ждала и не жду...
Скину с кедра заснеженный саван,
На березке оставлю фату.

ВЕСНА

Весна сперва застенчива,
Глядит на всех украдкой.
Весне покамест нечего
Дарить и нечем радовать.

Часок с берёзкой грустною
Пошепчется, поделится,
И скажет ей: «Подруженька,
Снимай-ка шубку белую».

Пошепчется и с вербою,
И почки ее мглистые
Вспорхнут над каждой веткою,
Как шмели золотистые.

А утром подмороженным
Над сёлами, просёлками
Вдруг грянет заворожено
Она скворчиным щелканьем.

Кричат на всю околицу
Вороны: «Мы не стар-р-рые!»
Весна любовь и молодость
Пошла дарить-раздаривать.

* * *

Ко мне обращались туркмены,
На южном своем лопоча,
Увидев приметные гены
В обличье моем басмача.

Как будто мой пращур угрюмый
Всю жизнь караваны водил,
Как будто бы зной Каракумов
Всю жизнь мою кожу дубил.

Я в землю смотрел виновато,
Плечами растерянно жал,
Как будто язык азиата
Я в белых снегах растерял.

Корана священное слово
Не гнуло как будто бы ниц,
И чужды мне запахи плова,
И вкус молока кобылиц.

Сверкали глаза аксакала,
Готовы до ниточки сжечь:
— О небо, ты отпрыск шакала,
Забывший родимую речь!

Потом он как будто бы понял,
Что предки его – не мои.
Побрел, опираясь на посох,
Как песенник Махтумкули.

Всё гены, коварные гены
Далеких-далеких времён
Татаро-хазарского плена
Российских улыбчивых жён.

СОСЕДСТВО

Я живу на пятом этаже.
Мой балкончик смотрит прямо в поле.
Мне соседство это по душе –
Каждый раз в лицо мне дышит воля.

Здесь зарницы сварочных огней
Молниями поле освещают,
И зарницы грозových дождей
На моем балконе замирают.

* * *

Говорят: смородина поспела.
Мне о том же сердце говорит.
Городом изнеженное тело
По таежным ссадинам зудит.

Едкий воздух пыльных тротуаров
Вдруг застрянет в горле поперек,
Руки сами с непонятным жаром
Теребят прожженный вещмешок.

Поскорее, к черту на кулички,
Ждет меня, аукает тайга!
Шевелись быстрее, электричка!
Ягода смородина сладка!

НА ПЕРРОНЕ

Сосной смолистой и мазутом
Бетонный пригород разит.
А скоротечная минута
Бездонной вечностью грозит.

Сходясь, путь рельсовый искрится
Единой светлой полосой.
Сомкнутся взгляды, руки, лица,
И лишь горячею слезой
Душа невольно разразится.

Закроет призрачные двери
Какой-то призрак за тобой,
И я останусь суеврным,
Молиться буду: «Боже мой!

Побереги среди людей
Моих детей, моих детей...»

* * *

Лето – жаркая колесница –
На своих грозových рысях
Прогремело в родных краях
И растаяло, как зарница.

Под окошком, моим оконцем
Разрывался шальной фугас
Пухом тополя, градом, солнцем
И сияньем любимых глаз.

Под елово-пихтовой сенью,
В чаще старых березняков
Беспощадно взрывали землю
Ядра белых боровиков.

Стой, родимая! Мимо, мимо
Таёт радужный звон копыт...
Ветер осени – мой зазимок
Скоро в ставенку постучит.

АВГУСТ

Август травы лесные сушит,
Просветляет сосновый бор,
Но еще будоражит душу
Затишающий птичий хор.

Куст смородины, ягод полный,
Хочет вымолвить: «Не оставь!»
Эх, как хочется в жаркий полдень
Через речку пуститься вплавь!

Эх, как хочется эту сказку
Кадр за кадром смотреть весь год!
Лето движется не к развязке –
Кульминация настает.

В РАСПАДКЕ

В голубом распадке
Черневой тайги
Белые палатки
У Шептун-реки.
Бронзовеют кедры
В малахите крон,
Молодой и светлый
Мне приснится сон:
В нём не куролесил
Я и не тужил,
Восемнадцать песен
На земле прожил,
Восемнадцать вёсен
Ни беды, ни слез...
На манок берёсты
Прилетает дрозд.
На груди веснушки,
Рябинки в хвосте,
А любовь подружки
В звонкой бересте.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассыпается кровохлёбка,
Брызжет бронзовым ручейком.
Держит, путая ноги, тропка
Перевитая репешком.

Осень, осень, ты нынче, право,
Не по-северному щедра:
Зелена по лугам отава,
А ведь ей золотеть пора.

И пора озорным рубашкам,
Легким платьяцам – отгулять.
И пора полевым ромашкам
Всё девчонкам перегадать.

Мне пора погрустить немножко,
Глядя в чистый березнячок,
Отыскать, как медведю, лёжку,
Да к медведице – под бочок.

* * *

Бежит по руднику родник
Прозрачный, светлый, как слеза.
Однажды я к нему приник,
Но мне ударило в глаза,

В мои глаза и жадный рот
Ударил сероводород,
И оказалась чистота
Совсем не та, совсем не та...

* * *

Дочери

Сосны теплые,
Бор и задумчив, и светел.
Столько хрустких тропинок
Исхожено в нем!
Здесь росли-подрастали
И выросли дети,
Под его добродушным
Зеленым шатром.

Поседел зверобой.
Сыплет цвет кровохлебка.
Кружевной паутиной
Одеты кусты.
Оглянись и простись
С грибно-ягодной тропкой,
Ведь последнее лето
В этой рощице ты.

От лесистых холмов
Салаирского кряжа
Столбовые дороги
Российской земли,

То лихую бедой,
То мечтой будоража,
Сорванцов-удальцов
Навсегда увели.

Стар отеческий дом,
Сам я тоже не вечен,
Реже в робкую душу
Стучатся стихи.
«К покаянью!» – сзывает вечернее вече,
Только мне не понять:
За какие такие грехи?

Словно режет песок
Легковерные очи шахтера,
Не могу проморгаться,
Не видно ни зги.
Свет отцовской избы
В дебрях старого бора
Как божественный дар
Сохрани, сбереги!

* * *

Мой сосед овдовел на девятом десятке.
Все манатки жены распродал, раздарил.
Дом и сад-огород, все покамест в порядке,
И мужицкие силы дедок сохранил.

– Эх, разъязви-тоска! Вот у тучочки гложет! –
Дед при встрече себя в грудь ударит рукой,
– Ведь Настасья меня на семнадцать моложе,
А ушла, погляди-тко, на вечный покой.

Слышь! Приходит ко мне та, что дышит на ладан,
В стариковских покоях не чая души.
Нам бы с нею сойтись, жить бы с миром да с ладом,
Да вот просит она: «Ты мне дом подпиши».

Что за дикая алчность! Не кусок, не краюху,
А крутую начинку от чужого урвать пирога?
Неужели загробное царство старухе
Важный титул воздаст на гроши старика?

– На-тко, выкуси вот! – Дед прокуренный палец
В озорную щепоть хочет, силясь, вложить.
– Жись-то, паря, нечо, жись-то славная, паря.
Вроде некуда боле, а хочется жить!

* * *

Я холью дом в реликтовом бору,
Надежду глупую в душе забавно холью.
Не взятое от жизни – доберу,
Не отданное – выпущу на волю.

Я в этой жизни сам себе с усам:
Нет претенденток – я не претендую
На кошелек, на милых сердцу дам,
Знай пью себе водичку ключевую.

Через лужайку звонкая тропа
Бежит к ручью – извечному движенью.
Душа моя, однако, не слаба
К большой любви и жертвоприношенью.

Но я молюсь покамест топору,
Как мудрому языческому деду.
Я холью дом в реликтовом бору
И никуда отсюда не уеду.

* * *

Не приехала. Не надо,
Поджидая, тосковать.
Мне под шорох листопада
Хорошо в деревне спать!

Хочешь – ноги на подушку,
Хочешь – голову, сойдет,
Но зато никто под ушко
Среди ночи не храпнет.

И никто не скажет слабо:
– Отвернись, косматый черт!
На сенном матраце бабам –
Горожанкам дискомфорт.

Сам себе хозяин-барин,
К одиночеству привык
Но ведь, кажется, я парень,
Но ведь все-таки мужик!

Ты, Ивановна, давай
На последнем приезжай!

* * *

Носову Владимиру А.

Здравствуй, доброе утро Барита,
Перламутровый говор берез!
Мне однажды вдыхать привелось
Этот воздух, знакомый до слез,
В суматохе капризного быта.

Там отвык от лукавых привычек
И обрел необычный обычай:
Спозаранку – в березовый лес,
Чтоб избавить пригорки окрест
От нашествия рыжих лисичек.

Ах! Какие там были груздочки –
В бахrome, как в исподней сорочке,
Ни одной червотчины-строчки
И сомнительной крапинки нет,
Хоть бери и засаливай в бочки,
Им поклоны я бил в заморочке
И шептал восхитительный бред!

На роскошной интимной полянке
Как меня соблазняли поганки,

А в ответ получали пинка.
Не со зла я буянил, а с лиха.
Было радужно, солнечно, тихо,
Мне дорога казалась легка.

Мне легко и дышалось, и пелось,
И любилось, и мучалось вслух.
Отчего-то мне очень хотелось
Бичевать захиревшее тело
И лелеять восторженный дух!

КАМЕННЫЙ ЛОСЬ

Опушка. Бархат ковыля.
Крапчатый кустик краснотала..
Какая сила приковала
К чугунным плитам пьедестала
Сибирского богатыря?

На двух стремительных ногах
Вздыбился у лесной тропинки,
И столько мужества в горбинке,
И столько ярости в очах!

Но страх в затылок не кольнёт,
Восторг в душе не отзовется,
Когда какой-то идиот
На крупе каменном смеется.

Я лишь злорадствую: «Да, да!
Мои богатыри лесные
Себе на шею броневые
Сесть не позволят никогда!»

Погожий месяц, день пригожий,
Заря вечерняя красна.
Опять на промысел отхожий
Зовёт, зовёт меня весна.

Там перламутровые песни
Слагает вечный березняк.
Там, кряжу гордому ровесник,
Меня приветствует кержак.

«Варнак! Явился! Хрен ты мамин!» —
Так, бородищу теребя,
Мне говорит: «А знаешь, в храме
Дела замёрли без тебя.
Да ты скидай свою котомку,
Инструмент плотницкий поставь.
Аввакумовым потомкам
Ты церковь маковкой возглавь!»

Его бедовая старуха
С порога кланяется мне.
И молодая медовуха
Сейчас взорвется в лагуне.

КИНО ИЗ ДЕТСТВА

Нас каждого горе лихое
Ночами мучительно жгло,
Когда взбудоражила «Зоя»
Сибирское наше село.

Я помню суровые взгляды
И скорбь заострившихся лиц,
Как будто с околицей рядом
Фашистские мины рвались.

Антихристы! – бабы ревели,
Стонали – Зверье! – мужики,
Когда бездыханное тело
Клеймили чужие штыки.

Я плакал от боли и злобы,
Сжимая руками скамью,
Как будто вели по сугробам
Родную сестренку мою.

В деревне в ту ночь до рассвета
В домах не гасили огней.
И долго я чувствовал петлю
На тоненькой шее своей.

Какая-то боль укорины
С тех пор и поныне гнетёт.
Великая дочерь Отчизны
Как будто отмщениа ждёт.

* * *

Остерегайтесь разведенков,
Увы, не лучше первых мы,
Взгляд не широк и вкус не топок,
И не практичнее умы.

Мы не слабы и не всеильны,
И не добрей, и не мудрей.
Ведь мы всё так же инфантильны
В понятиях тещ и матерей.

Остерегайтесь разведёнок –
Перебродившее вино.
Пьянит быстрее нас оно,
Да голова болит спросонок.

* * *

Вы сказали: город мал,
Каждый день увидишь друга...
Я напрасно потерял
Все свои часы досуга.

Вы сказали: ночь долга,
Что задумаешь – приснится...
Я сердито отвергал
Все увиденные лица.

Вы сказали: вздох любой
Передать умеет ветер...
Все уста на белом свете
Заколдованы зимой.

* * *

Порой отчетливо, до боли,
Мне память высветит на миг:
Росой унизанное поле
И коростелей переклик.

Слегка дымящуюся пашню
В какой-то розовой дали,
И мной придуманную башню
На стыке неба и земли.

И первый луч, а может, всполох
Еще холодного луча,
Котомка нищая и посох –
Опора детского плеча.

Росой омытые калоши,
Не знаю стибренные где,
И ветром чубчик мой взъерошен,
И рот голодный перекошен
Молитвой тихой о еде.

ЭХ, МА!

Стариковское это – эх, ма!
Мне в наследство досталось как сыну.
Мы недавно рубили дома,
А теперь я ему – домовину.

Раскрою на груди верстака,
По своим габаритам прикину
Припасенные в кои века
Из могучего кедра тесины.
Брызнет дерево запахом смол,
Обнаженная летопись брызнет.
В домовину войдет новосел
От сумятицы нынешней жизни.

Жми, рубаночек, стружку сымай,
Совершай благородное дело...
Отлюбило навеки, эх, ма!
Эту жизнь его грешное тело.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Утром на бетонные панели
Первые снежинки прилетели.
Извинясь за долгие простои,
Укрывают землю ровным слоем.

Загляделись парни и девчонки
На свою любимую сторонку.
Хороша сторонка в самом деле
В белоснежной легкой карусели!

ВОЛГА

Я на Волге, друзья!
Вот и выпало счастье
Посидеть на волжанском песке.
Я родился в Сибири,
Но чем-то причастен
К этой русской могучей реке.
Моют кудри в воде
Ивняковые ветки,
И круги затихают вдали.
Может, здесь собрались
С Ермаком мои предки
И в тайгу Зауралья ушли?
Чем-то близким пахнуло,
Как будто я дома.
Соловьи жигулевские – нашим сродни.
И стрижи, что стремительно
Реют над Томью,
И над водами тихой Ини.

ЗИМА

Преклоняю робко я колени,
Видя чудо-россыпь серебра.
Северные белые олени
Ночевали нынче у Днепра.

Очарован утром первозданья,
Днепр остановился в берегах.
Красоту полярного сиянья
Принесли олени на рогах.

Рано поднялось, умчалось стадо,
Убелив дыханием холмы.
И земле украинской в награду
Подарив сокровища зимы.

Преклоняю робко я колени –
Хороша природа, хороша!
Скачут к югу белые олени,
Вихрями морозными дыша.

КЛЕСТЫ

Рыл я корни своей родословной
Под наносами разных родов..
Угощается в кроне еловой
Дружелюбная стая клестов.

Их давно я не видывал что-то,
Обходя эти горы окрест,
Все работа, работа, работа,
Перемена извечная мест...

В клюве мерзлый орешек расколот,
Словно в маленьких дивных тисках,
Нипочем им арктический холод,
Прокаленным на стылых ветрах.

Лиходует январская стужа
Уж которые сутки подряд,
Лес безмолвный, однако, разбужен
Утверждающим криком клестят.

На других не похожие птицы
Этой жизнью суровой своей..
Плакать, что ли, мне иль гордиться
Вот такой «родословной» моей?

* * *

Какое счастье – матушка жива!
Разбитым носом спрятаться в подоле,
На миг забыть мальчишеское горе
И слушать, слушать нежные слова:

– Ну, что, сынок, пострел мой, постреленок?
Не надо плакать, горе – не беда.
Обидчик станет другом навсегда,
Лишь только подрасти да наберись силёнок.

Какое счастье – матушка жива!
Вернуться в дом лихим военным франтом
С янтарными нашивками сержанта,
Шептать и слушать нежные слова:

– О, матушка! – А ты совсем большой!
– Ты, милая, немножко постарела.
– А я тебе девчонку присмотрела,
Девчонка настоящая, с душой.

Какое счастье – матушка жива!
Издалека в родимый дом вернуться,
Припасть к земле, слезами захлебнуться,
Шептать, шептать заветные слова...
Молчит, молчит могильная трава.

* * *

Иду проворно, ветер в грудь,
Распахнутую настезь.
Навстречу мне дома бегут,
Дома кулацкой масти.

На свежеиспеченный сруб
Четыре жлоба через пуп
Вздымают балку-матицу,
Подымут и... попятятся.

Хозяин, сволочной мужик,
Мне: «Пособи, милейший!»
Я стукнул пальцем о кадык:
Мол, помогу, конечно.

Я в этом деле знаю толк:
Хозяина – под комелёк,
Кто слабый – под вершину,
Кто хитрый – в середину.

И получаса не прошло,
Ложится матица в седло.
Отныне и до веку –
Опора человеку!

«Ну, что ж, милейший,
Будь здоров!»,
И десять медных пятак
Он подает рукою,
Мохнатою такою.

Чтоб в доме множилось добро
Кладут под матку серебро.
А медь?
Я брошу медь в могилу
Твою, хозяин милый.

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ

Мрачная дорога
На рассвете дня.
Стволовой, немного
Подожди меня.
Подожди, братишка,
В колокол не бей:
Над копровой вышкой
Стая голубей.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь старая –
Старая дева,
Эмигрантка в родной стороне.
В забытии обветшавшее тело,
И душа в летаргическом сне.
Ты ль не дочь златоглавого Суздаля?
Не сестра ли церквей Покрова?
Раболепие лапотной удали
И невиданный взлет мастерства...
Вся краса твоя холодом скована
И распяты на белой груди.
И рудничный гудок, словно колокол,
Над землей Салаира гудит.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

Возвратилась? – Добро пожаловать!
Воссияла – правым права!
Но в душе ни любви, ни жалости,
А в душе моей – трин-трава.

Знаю, кровью своей и плотью
Таинств праведных не вершить:
Одураченный лоб цепотью
Нету силушки осенить.

Не согнуть-разогнуть спины
По-над вечным ее покоем.
Мне под небом родной страны
Быть раскольников и изгоем.

Да. Не к ней простирал я руки,
Откровенно светлея лицом,
Под венчальным её венцом
Всё мне видится лик старухи.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ШАХТЕРОВ

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реюший факел
Весь рассыпался вмиг.

Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти – не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи.
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне.

Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далеким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потопе
Этим косточкам всплыть.

СТАРИННЫЙ ТРАКТ

Старинный тракт, бревенчатые гати
На жирном теле вековых болот.
То вербный куст пыльцой меня окатит,
И на рубашке высветится мёд.

То пучка сочная мне кулачком соцветья
С крутой обочины лукаво погрозит..
О былях-небылях минувшего столетья
Могучий кедр шумит себе, шумит.

Прислушаюсь – и вроде понимаю.
Всмотрюсь в дорогу – вижу наяву:
Летит, летит кибитка удалая
С задорным колокольчиком Валдая,
Сминая придорожную траву.

Сверну в густую чащу тальников
И на мгновенье задержу дыханье:
В чахоточное чрево рудников
Кибитка мчит великое посланье.

Былинные мечтатели прочтут,
Воспрянет «дум высокое стремленье».
А мне «во глубине сибирских руд»
Воздай, о Боже, гордое терпенье.

ЗЕМНАЯ НОША

Вдрызг расхристанный бездорожьем,
Спотыкаясь и падая ниц,
Оголтельный я атеист,
Замерзая, кричу: «О, Боже!

Мне, пожалуй, и здесь резон.
Взбаламуть-ка пургу-порошу.
Забирая земную ношу,
Ниспошли Ты мне вечный сон!..»

.....

Влага горькая горло жжет.
Кто-то сверху глаголом будит:
«Что разлегся-то, идиот!
Твой возок Я тащить не буду!»

* * *

– Как! Вы не были в Барселоне?
Кто таков Сальвадор Дали?
В захоластном ручье Тайдоне
Шелкоперые пескари.

– Три часа из столицы лету –
И встречает уматный пляж.
Через три проползу болота,
Как мыслитель, нырну в шалаш.

– Всюду гений великих зодчих:
Город строился на века.
А в тайге золотой песочек
Перекатывает река.

– Обалденно живет Европа –
Так не снилось на Руси.
– Слушай, Степа,
 довольно трепа,
На, огурчиком закуси.

ПОХОРОНЫ АВТОРИТЕТА

Маши, помахивай кадилом,
Помпезный батюшка, служи
Над скорбью алчной и постылой,
И всеми проклятой души.

В толпе единой – вор на воре,
Братки, менты и дум столпы,
И скоморохов пестрых свора,
И раздобревшие попы.

Не поперхнетя воровская
Всеразвращающая рать:
Еще и неземного рая
Надел старается урвать.

Стоят они в чаду угара,
Над гробом приторно скорбя.
«Нет, смерть твоя есть Божья кара», –
Так утешаю я себя...

ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Место лобное, место живое.
Ели – व्योजные дочери гор.
В голубой экзотической хвое –
Золотой да рубиновый сор.

Шторы-жалюзи горницы светлой
Распахну на державный фасад,
Где ярится качаемый ветром
Не чужой и не кровный штандарт.

Будет память высвечивать долго
Все былое... Гадать о былом
Буду я дилетантским умом:
Отчего гоношит барахолка
Под его путеводным крылом?..

СОДЕРЖАНИЕ

Утро	8
Кержаки	9
«Покидает родное село...»	10
Черемуха	11
«Работу любую не хаю...»	12
Буровая	13
«Ущелье. Фабрика. И пруд...»	14
Плач-гора	15
«В родном дому...»	16
«Королевские харчи...»	18
√Салаир	20
«Шахтерская идиллия»	21
В шурфе	22
Печник Якунин	23
Брошенный хутор	24
Состав	25
Старый плотник	26
«Лесхозовский балок...»	28
Кубалда	29
На заимке	31
«Коль вздохнет под тобою земля...»	32

«Я не знаю другого ландшафта...»	33
«Узором ветки, упавшей в снег...»	34
Большая Толмовая	35
«Ветер-дворник метёт, подметает...»	37
✓ «Я строю домик в Салаире...»	38
На покосе	39
Убили дятла	40
«В моём цеху грохочет увертюра...»	41
Собака	42
Уходи с горки	43
«Снова легкий месяц родился...»	44
Молодило	45
«Заблажила пурга, заблажила...»	48
✓ «Говори, я слушаю...»	49
«Обильные, размашистые вьюги...»	50
«Ночами – дождь...»	51
Лесное озеро	52
На пожаре	53
Свеженина	54
Изба-читальня	55
На тригопункте	57
«Когда устанут языки лихие...»	58
Армейское	59
Сирены	60
На Кавказе	61
Воздушный замок	62

Чегемский водопад	63
«Эх! Ударили звонкие струны...»	64
√Весна	65
«Ко мне обращались туркмены...»	66
Соседство	68
«Говорят: смородина поспела...»	69
На перроне	70
√«Лето – жаркая колесница...»	71
Август	72
В распадке	73
Бабье лето	74
«Бежит по руднику родник...»	75
«Сосны теплые...»	76
«Мой сосед овдовел...»	78
«Я холью дом в реликтовом бору...»	79
«Не приехала. Не надо...»	80
«Здравствуй, доброе утро Барита...»	81
Каменный лось	83
«Погожий месяц, день пригожий...»	84
Кино из детства	85
«Остерегайтесь разведенков...»	87
«Вы сказали: город мал...»	88
«Порой отчетливо, до боли...»	89
Эх, ма!	90
√Первый снег	91
Волга	92

✓ Визма	93
Клесты	94
«Какое счастье – матушка жива!..»	95
«Иду проворно, ветер в грудь...»	96
Подражание Лермонтову	98
Старая церковь	99
Возрождение церкви	100
✓ Памяти погибших шахтеров	101
Старинный тракт	103
Земная ноша	104
«– Как! Вы не были в Барселоне?»	105
Похороны авторитета	106
Городская площадь	107

Литературно-художественное издание

Дмитрий Петрович Клестов

ЗЕМНАЯ НОША

Редактор **Н. В. Тиунова**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Л. В. Маренина**

Лицензия ЛР № 071467 от 11.07.97
Лицензия ПЛД № 44-12 от 10.11.99

Сдано в набор 03.12.2001. Подписано к печати 28.01.2002. Формат 60x84^{1/32}
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «GaramondCond». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,3. Тираж 300 экз. Заказ № 889.

Изд-во «Кузбассвуиздат». 650043 Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 23-34-48.

